

Евгений Стефанский

Самарская гуманитарная академия (Самара, Россия)

КОНЦЕПТ «OSUD» ‘СУДЬБА’ В РОМАНЕ М. КУНДЕРЫ «КНИГА СМЕХА И ЗАБВЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Подчеркивая важность анализа текста и дискурса для лингвокультурологических исследований, В. А. Маслова отмечает, что истинными хранителями культуры являются тексты, которые отображают духовный мир человека и пронизаны множеством культурных кодов (Маслова 2001: 87).

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать в контексте славянской традиционной культуры концепт «Osud» ‘судьба’, актуализированный в первой части романа чешского писателя Милана Кундеры «Книга смеха и забвения».

Как отмечает М. Л. Ковшова, «судьба является жизненным путем человека, который ему предназначен или который им выбран самостоятельно (ср. с жизнью – дорогой: *У каждого человека своя судьба, путь свой. А дорога та же, от рождения до смерти*). Жизнь – то, что происходит с человеком в ее продолжение, судьба – предназначенное происходящее» (Ковшова 1994: 141). С. Е. Никитина пишет, что одно из обозначений судьбы – *доля* «связана с плохим и хорошим временем: *доля во времени живет, бездолие в безвремяе* (посл.). Былинный герой Добрыня, попавший в беду, оплакивается матерью: *зародился ... в ту звезду, в ту минуту несчастную, не в таланную*» (Никитина 1994: 132).

В связи с этим показательно, что многие слова с темпоральным значением на протяжении своей истории могли приобретать в славянских языках семантику судьбы. См.: ст.-чеш. *doba* ‘судьба, обстоятельство’, *nedoba* ‘несчастье’, др.-рус. *години* ‘судьбы’, польск. *czasu* ‘судьбы’, (СД, V: 204). Лексема *гокъ в разных славянских языках, по данным Н. Ивашиной, может приобретать значения ‘отрезок времени’ – ‘срок’ – ‘год’ – ‘возраст’ – ‘мера’ – ‘постановление, правило’ – ‘установленное число’ – ‘намерение, замысел’ – ‘судьба’ – ‘предзнаменование’ – ‘совещание’ – ‘судебное разбирательство’. При этом, по мнению исследовательницы, «значения ‘срок’, ‘установление’ и ‘судьба’ наиболее древние. Их объединяет семантический признак назначенности, установленности, предопределенности» (Ивашина 2008: 70).

В русском и чешском языках рассматриваемое понятие передается общеупотребительными лексемами, мотивированными значением суда: русск. *судьба*, чешск. *osud*. Исходным значением этих отглагольных существительных было, по-видимому, ‘судилище, процесс суда, приговор, правосудие’ (см. Черных, II: 216).

Показательно, что с судом также связаны многие «составляющие» судьбы. В фольклоре *судом* называются брак и смерть, жених и невеста называются *сужеными*, а сторонка, на которую едет невеста, – *судимой*, ср. также выражение *не к суду пришло* ‘не к смерти’ (Никитина 1994: 131).

Временная привязанность концепта «Судьба» связывает его с концептами «Социальная жизнь человека» и «История общества». Тема жизни и судьбы человека в истории его страны возникает с первых строк романа «Книга смеха и забвения», рассказывающих о трагической судьбе министра иностранных дел в первом коммунистическом правительстве Чехословакии Владимира Клементиса, от которого в истории осталась лишь шапка, надетая им на голову лидера Компартии Клемента Готвальда (в первом издании романа его первая часть так и называлась «Шапка Клементиса»):

В феврале 1948 года вождь коммунистической партии Клемент Готвальд вышел на балкон пражского барочного дворца, чтобы обратиться с речью к сотням тысяч сограждан, запрудивших Староместскую площадь. *Это был поворотный момент в истории Чехии. Роковой момент, какие случаются один-два раза за тысячелетие (To byla historická chvíle v dějinách Čech. Osudová chvíle, jaké přicházejí jednou, dvakrát za tisíciletí).*

Рядом с Готвальдом, окруженным соратниками, находился Клементис. Шел снег, холодало, а Готвальд стоял с непокрытой головой. Заботливый Клементис снял свою меховую шапку и надел ее на голову вождя.

Отдел пропаганды размножил в сотнях тысяч экземпляров фотографию балкона, на котором Готвальд в барашковой шапке, окруженный соратниками, говорит с народом. *На этом балконе началась история коммунистической Чехии (Na tom balkóně začaly dějiny komunistických Čech).* Любого ребенок знал эту фотографию по плакатам, учебникам и музейным экспозициям.

Четырьмя годами позже Клементис был обвинен в измене и повешен. Отдел пропаганды незамедлительно *удалил его из истории и, разумеется, из всех фотографий (vyškrábalo z dějin a ovšem i ze všech fotografií).* С той поры на балконе Готвальд стоит уже один. Там, где некогда был Клементис, теперь только *голая (prázdná)* стена дворца. От Клементиса осталась лишь шапка на голове Готвальда.¹

¹ Здесь и далее чешский оригинальный и русский переводной текст романа «Книга смеха и забвения» цитируется по изданиям, указанным в библиографии. Все выделения в цитатах мои. – Е. С.

В этом фрагменте нужно обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, история Чехии оказывается ее судьбой. Приход к власти коммунистов не просто *historická chvíle* ‘историческая минута, поворотный момент’, но и *osudová chvíle*. В данном случае прилагательное *osudová*, производное от *osud* ‘судьба’ нельзя перевести на русский словом судьбоносный, которое, по наблюдениям Е. Г. Усовик, «характеризует лишь событие большой значимости». В чешских производных от слова *osud*, по словам исследовательницы, «явно присутствует негативная оценка», поэтому русским эквивалентом чешск. *osudová* могут быть прилагательные роковая или фатальная (Усовик 2008: 132).

Во-вторых, в чешском языке, наряду с латинским по происхождению словом *historie* имеется гораздо более употребительный термин славянского происхождения для обозначения истории – *dějiny* (букв. ‘деяния’), который, как и слово *osud* ‘судьба’, обладает глагольностью с т.з. своей лексической² и словообразовательной семантики, что и позволяет этим лексемам и их производным быть по крайней мере контекстуальными синонимами.

В-третьих, в этом фрагменте появляются два слова, которые будут постоянно вводить тему судьбы и забвения в жизни главного героя первой части романа Мирека. Это глагол *vyškrábat* – *vyškrábávat*, который несет семантику очищения. Им можно обозначить, например, процесс очищения посуды: *vyškrábat kaše z hrnce* ‘выскрести кашу из кастрюли’, *vyškrábat misu* ‘отскрести миску’, а при описании процесса правки текста он обозначает его подчистку, стирание ошибочно написанных знаков: *vyškrábat čárku nad písmenem* ‘подчистить (стереть) знак долготы над буквой’ (SSČ: 523). Второе слово – прилагательное *prázdný* ‘пустой’ (см. *Tam, kde býval Clementis, je jen prázdná zed’ paláce* – Там, где некогда был Клементис, теперь только **пустая (голая)** стена дворца). Именно пустота остается после тех людей, которых выскребли, вычеркнули из истории.

В других фрагментах появляется еще одно ключевое слово, вводящее тему забвения. Это слово *skvrna* ‘пятно, недостаток, порок’ и его производные *poskvřnit* ‘опорочить, запятнать, опозорить’ и *poskvřněný* ‘запятнанный, опозоренный’ (SSČ: 391). Соответствующий корень, очевидно, связан с представлениями о ритуальной нечистоте, вызванной, скорее всего, скоромной пищей³. В этой связи показательно, что автор чешского этимологического словаря Й. Рейзек полагает, что исходным значением праслав. *skvъrнь

² Ср. с тем же корнем термины, обозначающие глагол: белорусск. *дзеяслоў* и укр. *дієслово*.

³ Показательно, что в Чистый понедельник (первый понедельник после Масленицы) все славянские народы предпринимали множество очистительных обрядов от скоромной пищи: сжигали остатки скоромного, посуду, соприкасавшуюся со скоромной пищей, мыли в родниковой воде, скатерти и салфетки отдавали в стирку, чтобы удалить остатки скоромной пищи, очищая тело от скоромного, *смывали масленицу*, перестирывали и перетряхивали одежду (СД, V: 552–555).

было ‘засаленный, замасленный’, а само это слово этимологически связано с глаголом *skverti ‘жарить, растапливать жир’ (Rejzek: 579). На мысль о ритуальной сакральности явлений, обозначаемых данным этимологически корнем, наводит и его родство с русск. *шкварки*, праслав. *skvara ‘огонь, пламя’ и др.-русск. *сквара* ‘жертвоприношение, дым, смрад’ (Черных, II: 418). Показательно, что В. И. Даль, отметив у слова *сквара*, наряду со значениями ‘огонь, пламя, огненный жупел, горение и смрад’ еще и лексико-семантический вариант ‘скверна’, высказал предположение об этимологическом родстве слов *сквара*, *вышкварки*, ‘вытопки или перегорелые остатки на салотопне’ и *скверный*, *скверна* (Даль, IV: 194).

Важно отметить также большую словообразовательную активность корня –скврърн- в старославянском языке: скврърна ‘нечистоты, грязь, мерзость, скверна’, скврърнь, скврърнавъ ‘грязный, нечистый, мерзкий’, скврърнити ‘пачкать, грязнить, осквернять’, скврърность ‘скверна, осквернение’, скврърникъ ‘скверный, мерзкий, гадкий человек’, скврърнолюби~ ‘тяготение к пороку, греху, мерзости’, скврърнодени~ ‘нечистая пища’, скврърньнь ‘нечистый, оскверненный’, скврърн~ни~ ‘грязь, нечистота, осквернение’ (ССС: 605–606). См. также в словаре В. И. Даля: *сквернодѣй* ‘распутник’, *сквернодѣйство* ‘распутство, разврат’, *сквернословъ* ‘срамослов, буселов, поругатель, кощун’, *сквернотяжаніе* ‘преступное, греховное обогащение’ (Даль, IV: 194).

Таким образом, слово *skvrna* и его производные, несущие семантику нечистоты, употребляются в художественном дискурсе романа для обозначения тех явлений, которые нужно выскрести, вычеркнуть, удалить из памяти и из истории.

В приводимом ниже отрывке, описывающем мысли Мирека, поднимающегося к квартире Здены, «работают» все выделенные нами лексические единицы. Образ Пражской весны и одного из ее деятелей Мирека как ритуально нечистые, осквернившие светлые идеалы социализма, выскребли, вычеркнули из истории, из памяти страны, превратили в ничто – в белое пятно пустоты:

А чтобы даже тень досадного воспоминания не нарушала возрожденной в стране идиллии, Пражскую весну и вторжение русских танков, это *пятно (skvrnu)* на прекрасной *истории (dějinách)*, необходимо было полностью изгладить из сознания. И потому сейчас в Чехии уже никто не вспоминает годовщину 21 августа, и имена людей, восставших против собственной *молодости, тщательно вычеркнуты из памяти страны (vyškrabávána pečlivě z paměti země)*, как ошибка в школьном задании.

И Мирек один из тех, чье имя было так же вычеркнуто. Если он и поднимается по лестнице к двери Здены, это всего лишь белое пятно (*skvrna*), фрагмент едва очерченной пустоты (*prázdna*), восходящей по винтовой лестнице.

Заставив Мирека произнести фразу о том, что «борьба человека с властью – это борьба памяти с забвением», Кундера тем не менее уходит от разработки этой темы в духе Дж. Оруэлла – как забвения, навязанного тоталитарной властью. Объясняя свой замысел в словаре «Семьдесят три слова», Кундера писал:

«Самобытность рассказа о Миреке я вижу совсем в другом. Тот же Мирек, который делает все возможное, чтобы его не забыли (его, его друзей и их политическую борьбу), в то же время изо всех сил старается забыть другое (свою бывшую возлюбленную, которой стыдится). Желание забыть – прежде всего не политическая, а антропологическая проблема: человеку всегда было знакомо желание переписать собственную биографию, стереть следы, и свои и чужие⁴. Желание забыть – это не просто соблазн что-либо скрыть. <...> Забвение: одновременно абсолютная несправедливость и абсолютное утешение».

Рассматривая в романе именно эту грань проблемы забвения, Кундера ставит Мирека в один ряд не только с тоталитарным режимом его страны, но и со всем человечеством. Новую грань получает и образ пустоты: теперь это не то, что осталось от вычеркнутых из истории людей или событий, а все будущее, которое представляет собой вакуум, пока еще не заполненный событиями. Именно поэтому такая борьба идет за право переписывать прошлое, именно поэтому, требуя покаяться и отречься от прежних взглядов, во все времена людям продавали «будущее за их прошлое»:

Он *стирал* (*vyškrabával*) ее из альбома своей жизни не потому, что не любил ее, а потому, что любил. Он *вымарал* (*vytazal*) ее вместе со своей любовью к ней, он *удалил* (*vyškrábal*) ее, подобно тому как отдел партийной пропаганды удалил Клемента с балкона, на котором Готвальд произносил свою историческую речь. Мирек *такой же переписчик истории* (*přepisovač dějin stejně*), как коммунистическая партия, как все политические партии, как все народы, *как любой человек* (*jako člověk*). Люди кричат, что хотят создать лучшее будущее, но это не правда. *Будущее – это лишь равнодушная и никого не занимающая пустота*, тогда как *прошлое исполнено жизни* (*budoucnost, to je jen lhostejná prázdnota, která nikoho nezajímá, kdežto minulost je plná života*), и его облик дразнит нас, возмущает, оскорбляет, и потому мы стремимся его уничтожить или перерисовать. *Люди хотят быть властителями будущего лишь для того, чтобы изменить прошлое* (*Lidé chtějí být pány budoucnosti, jen aby mohli měnit minulost*). Они борются за доступ в лабораторию, где *ретушируются фотоснимки и переписываются биографии и сама история* (*se retušují fotografie a přepisují životopisy a dějiny*).

По-другому забвение побеждает Тамины. Переспав несколько раз с глубоко несимпатичным ей Гуго, обещавшим привезти из Праги ее дневники, Тамина вдруг понимает, что «память омерзения сильнее памяти нежности». Она уже не может вспоминать мужа. Для нее пустотой оказывается не только

⁴ По-видимому, не в последнюю очередь этим желанием обусловлено принятие во многих странах законов на право забвения в Интернете.

будущее, но и прошлое. Она уже «не вспоминает, а лишь зачарованно вглядывается в свое забывание». И ей остается лишь «забыть свое забвение».

Анализируя концепты «Жизнь» и «Судьба» в русской лингвокультуре, Т. В. Радзиевская отмечает возможность осмысления судьбы человека отдельно от него самого:

«Жизнь мыслится как неотъемлемая принадлежность лица, в то время как судьба может мыслиться автономно от лица и образует повествование, в центре которого – событийная линия, а не само лицо. Судьба связывается не только с выделенными, исключительными событиями, но и с особенными людьми, способными ‘оставить след в истории’, жизнь которых с легкостью превращается в объект наблюдения и обсуждения» (Радзиевская 1991: 69).

Так же воспринимает судьбу и Кундера:

«Наступает момент, – пишет он в словаре ‘Семьдесят три слова’, – когда образ нашей жизни отделяется от самой жизни, приобретает самостоятельность и мало-помалу становится важнее нас самих». Еще в романе «Шутка» его главный герой Людвик Ян с грустью осознает, что образ его “я”, «утвержденный верховной палатой человеческих судеб <...> был бесконечно более реален», чем он сам, хотя и совершенно не был похож на него⁵.

Особенно рельефно это противопоставление жизни и судьбы показано применительно к Миреку, жизнь которого превратилась в судьбу. Чувствуя себя человеком, способным оставить след в истории, он представляет себя творцом своей судьбы, что не может не вызвать легкой иронии автора:

Когда после прихода русских он отказался предать свои взгляды, его выгнали с работы и обложили легавыми. Это не сломило его. Он **был влюблен в свою судьбу** (*zamilován do svého osudu*), и ему казалось, что его путь к гибели полон величия и красоты.

Поймите меня правильно: я сказал, что он был влюблен в свою судьбу, но не в самого себя. Это две абсолютно разные вещи. Его жизнь как бы обрела самостоятельность и стала вдруг отстаивать исключительно собственные интересы, что далеко не совпадало с интересами самого Мирека. Именно это я и имею в виду, утверждая, что его **жизнь превратилась в судьбу** (*se život proměnil v osud*). Судьба не думала даже пальцем шевельнуть ради Мирека (ради его счастья, безопасности, хорошего настроения и здоровья), тогда как Мирек готов был сделать все для своей **судьбы** (для ее величия, ясности, красоты, стиля и внятного смысла). **Он чувствовал себя ответственным за свою судьбу, однако его судьба не чувствовала себя ответственной за него** (*cítí se odpověden za svůj osud, ale jeho osud se necítí odpověden za něho*).

⁵ Очевидно, что в современном мире эта проблема стала еще более сложной и актуальной. Реальный человек может быть не похож на свой имидж, создаваемый в масс-медиа, на образ, который он создает для себя в социальных сетях в Интернете, применительно к актерам – на образы, созданные им в кино и театре.

К своей жизни он относился, как скульптор к своему изваянию или романист к своему роману (měl k světu životu potěť jako sochař ke své soše, anebo romanopisec k románu). Одно из неотъемлемых прав романиста – возможность переработать свой роман. Если его не устраивает начало, он волен переписать его или просто вычеркнуть. Но существование Здены лишило Мирека авторских прав. Здена настаивала на том, что она останется на первых страницах романа и вычеркнуть себя не позволит.

Действительно, Мирек настолько озабочен тем, каким он останется в истории, что ему отказывает элементарное чувство осторожности. Он отправляется к Здене за письмами, которые могут показать его в не совсем приятном свете вместо того, чтобы уничтожить компрометирующие его и его друзей документы:

Мысль, что *надо было раньше избавиться от компромата (ty kompromitující písemnosti měl asi přece jen odvést už dřív)*, тотчас пришла ему в голову. Нельзя было подвергать опасности и себя, и своих друзей. Если бы он сделал это в первый же день своей болезни и не ждал, пока дозвонится до Здены, возможно, ему удалось бы все вывезти без всякого риска. Но сейчас ничто не занимало его так, как поездка к Здене. Впрочем, он думал об этом уже немало лет. Но в последние недели его преследует мысль, что с этим нельзя больше мешкать, ибо *его судьба близится к концу и он должен сделать все ради ее совершенства и красоты (osud spěje ke konci a on musí udělat všechno pro jeho dokonalost a krásu).*

Расплата за беспечность не заставляет себя ждать. Упрек в неосторожности адресуют Миреку не его соратники по борьбе, а пришедшие его арестовывать гэбисты (которые, возможно, внутренне сочувствуют ему, ведь ввод советских танков поддержало лишь два процента жителей страны):

Мужчины у письменного стола продолжали переписывать конфискованные вещи: письма друзей Мирека, документы, датированные первыми днями русской оккупации, заметки, анализирующие политическую обстановку, протоколы их собраний.

– *Вы не слишком предусмотрительны по отношению к своим товарищам (Nejste moc ohleduplný ke svým kamarádům)*, – сказал мужчина в очках и кивнул на конфискованные вещи.

Патетические размышления Мирека о готовности попасть в тюрьму и оставить след в истории сопровождаются теми же ключевыми словами, вводящими тему памяти и забвения: *dějiny* ‘история’, *vymazat z paměti* ‘стереть из памяти’, *skvrna* ‘пятно’, *neposkvrněný čas neposkvrněné idylly* ‘незапятнанное время незапятнанной идиллии’. Но сейчас за ними все яснее слышна авторская ирония – по Кундере, неотъемлемая часть романа:

Однако тюрьма, хотя и обнесена со всех сторон стенами, являет собой великолепно освещенную сцену истории. Мирек это знает давно. *Ореол тюрьмы весь последний год неодолимо привлекал его (Představa vězení ho po celý poslední rok neodolatelně vábila).*

Так, наверное, самоубийство мадам Бовари привлекало Флобера. Нет, роман своей жизни Мирек не мог бы представить себе с лучшим концом.

Они хотели стереть из памяти тысячи жизней и сохранить в ней лишь одно-единственное незапятнанное время незапятнанной идиллии (Statísíce životů chtěli vymazat z paměti, aby zůstal jen jeden jediný neposkvřněný čas neposkvřněné idylly). Но Мирек, как *пятно (skvrna)*, распластается во всю длину своего небольшого тела на их идиллии. Он останется на ней, как осталась шапка Клементиса на голове Готвальда.

Рассказывая о приговоре, вынесенном Миреку, автор вскользь сообщает о том, что из-за его стремления остаться в истории пострадали его друзья. Неопределенность их количества (*asi deset jeho přátel* ‘человек десять его друзей’), переданная в оригинале неопределенным наречием, а в русском переводе порядком слов, означает в сущности, что этих пострадавших было много:

Они дали Миреку подписать перечень конфискованных вещей, а затем попросили его вместе с сыном следовать за ними. После года предварительного заключения был суд. Мирека приговорили к шести годам лишения свободы, сына – к двум годам, а *человек десять его друзей (asi deset jeho přátel)* получили от года до шести лет тюрьмы (*asi deset jeho přátel dostalo tresty mezi rokem a šesti léty vězení*).

Впрочем, сам Кундера не намерен выносить приговор своему герою, ведь романное изучение темы забвения, по его словам, «не предполагает ни завершения, ни выводов».

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ

Kudera M. (1981), *Kniha smíchu a zápomnění*, Toronto: Sixty-Eight Publishers.
Кундера М. (2003), *Книга смеха и забвения* / Пер. Н. Шульгиной, СПб.: Азбука-классика.

ОБОЗНАЧЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

- Даль – В. И. Даль (1989–1991), *Словарь живого великорусского языка: в 4 томах*, Москва: Русский язык.
СД – *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 томах* (1999 – 2012), Москва: Международные отношения.
ССС – *Старославянский словарь* (1994), Москва: Русский язык.
Черных – П. Я. Черных (1993), *Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 томах*, Москва: Русский язык.
Rejzek – J. Rejzek (2001), *Český etymologický slovník*, Praha: Leda.
SSČ – *Slovník spisovné češtiny* (2004), Praha: Akademia.

Библиография

- Ивашина Н. (2008), *Некоторые аспекты категоризации временных понятий в славянских языках*, „Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Studia minora facultatis philosophicae universitatis brunensis”, А 56, с. 59–75.
- Ковшова М. Л. (1994), *Концепт судьбы. Фольклор и фразеология*, [в:] ред. Н. Д. Арутюнова, *Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва, с. 130–136.
- Маслова В. А. (2001), *Лингвокультурология*, Москва.
- Никитина С. Е. (1994), *Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнопоэтических текстов)*, [в:] ред. Н. Д. Арутюнова, *Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва, с. 130–136.
- Радзиевская Т. В. (1991), *Слово «судьба» в современных контекстах*, [в:] ред. Н. Д. Арутюнова, *Логический анализ языка. Культурные концепты*, Москва, с. 64–71.
- Толстая С. М. (1994), *«Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры*, [в:] ред. Н. Д. Арутюнова, *Понятие судьбы в контексте разных культур*, Москва, с. 143–147.
- Усовик Е. Г. (2008), *СУДЬБА /OSUD в русской и чешской языковой модели мира*, Вестник ТвГУ. Серия: Филология, № 15, с. 129–137.

Eugene Stefanski

CONCEPT „OSUD” ‘DESTINY’ IN M. KUNDERA’S THE NOVEL *THE BOOK OF LAUGHTER AND FORGETTING* IN THE CONTEXT OF SLAVONIC TRADITIONAL CULTURE

(Summary)

The author emphasizes the characteristic for traditional Slavic culture relations of concept “Osud” ‘fate’ with good and bad times. It is significant that many words with temporal meaning value throughout its history could have the semantics of fate in Slavonic languages. In Kundera’s novel concept “Osud” accompanied by the word *skvrna* ‘spot, evil’, which is associated with the concept of ritual impurity caused by food-fasting.

In the Mirek’s mind, the protagonist of the first part of the novel, his life is separated from the fate. It seeks to erase from his life everything, what is unworthy of its destiny. As a result, he rewrites history, like the totalitarian regime against which he fights.

Keywords: Milan Kundera, “The Book of Laughter and Forgetting”, concept “Osud” ‘fate’.

КОНЦЕПТ «OSUD» ‘СУДЬБА’ В РОМАНЕ М. КУНДЕРЫ «КНИГА СМЕХА И ЗАБВЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

(Резюме)

Автор подчеркивает характерную для традиционной славянской культуры связь концепта «Osud» ‘судьба’ с плохим и хорошим временем. Показательно, что многие слова с темпоральным значением на протяжении своей истории могли приобретать в славянских языках семантику судьбы. В романе Кундеры концепт «Osud» сопровождается словом *skvrna* ‘пятно, порок’, которое связано с представлениями о ритуальной нечистоте, вызванной скромной пищей.

В сознании главного героя первой части романа Мирека его жизнь отделяется от судьбы. Он стремится вычеркнуть из своей жизни то, что недостойно его судьбы, и оказывается таким же переписчиком истории, как и коммунистический режим, с которым он борется.

Ключевые слова: Милан Кундера, «Книга смеха и забвения», концепт «Osud» ‘судьба’.